

Берега Амура

Александр Герасимов

Александр Владимирович Герасимов – прозаик, драматург. Родился в 1955 году в таёжном Приамурье, на Дальнем Востоке работал учителем, редактором газет и телевидения, генеральным директором государственной телерадиовещательной компании «Амур», трижды избирали председателем Амурской областной организации Союза журналистов России. С 2011 года живёт в Калининграде.

Рассказы публиковались в России, Австралии, Германии, Канаде, Чехии. Член редакционных коллегий литературных журналов «Берега» (Калининград, Россия), «День и ночь» (Красноярск, Россия), EDITA (Вестфалия, ФРГ). Награждён орденом преподобного Сергия Радонежского Русской православной церкви, заслуженный работник культуры РФ. В 2022 году книгу рассказов Александра Герасимова «СОПРИКОСНОВЕНИЕ. О России с любовью» космонавт Герой России Олег Артемьев брал в экспедицию на Международную космическую станцию, экземпляр, побывавший на орбите, передан в Московский музей космонавтики.

ВСПОМИНАНИЯ ПРИЗРАЧНЫХ ДОЖДЕЙ

Тук! – жёлудь упал, стукнулся оземь, подпрыгнул и замер, как затаился. Тук! – ещё один, рифлёная шапочка отлетела, а сам гладкий желудёнок покатился, покатился и затих. Тук-тук! – ещё упали, – дуб высокий, широченный...

Приветливые дни бабьего лета минули, дождики наладились. В пору прозрачных дождей хорошо в старом парке гулять под зонтом, задумчиво улыбаться и истории вспоминать.

Расскажу-ка вам о встрече со знаменитым писателем, что мемуары о себе назвал «Бодался телёнок с дубом».

Июнь девяносто четвёртого. Благовещенск, родной город на Амуре, я – руководитель областного телевидения. Приземистое, но с псевдоготическими сводами здание железнодорожного вокзала. Больше обычного милиции и узнаваемых «незаметных товарищей». Здесь же – люди разных возрастов, у многих в руках книжки, в пышной гриве хорошо намытых волос – начинающий бард с гитарой, – публика не похожа на суетных пассажиров и тех, что примчались к поезду встретить родню. В стороне от толпы – без тени эмоций одинокий поэт. В начальственном уединении, в сопровождении группы услужливых граждан, на краю перрона – глава областной администрации. С ним знаком накоротке, ещё недавно тот был главным геологом области. Здороваюсь, заговариваю о погоде. Хорошая погода. Интересуюсь, что мой собеседник читал из писателя, которого встречаем. Глава морщит свой невеликий «украинский» нос, мол, «зэковской литературой не интересуюсь». Но подошёл поезд, гостя встретил радушно и нужные слова говорил.

Правда, искренность тоже была. Когда писатель через привокзальную площадь проходил к машине, в ноги ему бросился сухопарый старик, пытался поцеловать руку. Гость отпрянул, должно, принял за городского сумасшедшего. Про этого человека на закатной заре советской власти я делал очерк для Центрального телевидения, – несколько раз Москва показывала. Пятнадцатилетним мальчишкой в сорок пятом был маслёнщиком на пароходе, за опоздание на работу репрессирован, прошёл Свободненские лагеря, – в зиму дети из его барака по ночам замерзали насмерть, иногда десятками. Возможно, мои земляки – люди старшего поколения – помнят старика, не раз его видели, это он зимами в майке и полосатой вязаной шапочке, с чугунной гантелей в руках бегал по набережной и по улице Ленина, плавал среди льдин на соревнованиях «моржей», становился даже чемпионом мира по заплывам в ледяной воде. Писателя старик почитал за святого.

Машина с гостем протиснулась через людское скопище, автографы на приготовленные книжки зрители не получили, только взлохмаченному барду удалось по рукам через головы передать сложенный тетрадный листок стихотворного текста, посвящённого приезду знаменитости, — отчего был изумлённо растерян и безумно рад. А поэт со спокойной печалью в глазах так и остался одиноко стоять в стороне.

Незатейливого чиновничьего фарса не только в нынешней управляемой, но и в прежней разгульной демократии хватало. Кортёж отправился на показательную погранзаставу, в школу пригородного благополучного села — маршрут, отработанный для начальственных персон многими годами ещё при прежних властях.

В нашем городе захотелось гостю посетить соседний берег Амура, попросил сопровождавший отца младший сын, китаевед. Срочно формируют тургруппу для безвизовой поездки. Удалось вклиниться в плотные ряды чиновников в качестве телеоператора. А надо сказать, что телевизионным освещением того исторического проезда писателя по России занималась польская телевизионная группа. У поляков был эксклюзив, нас предупредили, что никто из местных и даже столичных телевизионщиков не имеет права подходить к классику с микрофоном и задавать вопросы. А если кто-то заговорит, то и сам будет иметь неприятности, и гостя подведёт. Снимать со стороны можно, разговаривать — нельзя.

Раннее утро следующего дня. Гравийный берег Амура. Деревянный трап на гулкую баржу, к ней причален — покачивается белый речной трамвай. Два десятка зевак с новенькими, нечитанными, из магазина, томами писателя — «благные» — просочились сквозь охраняемую зону досмотра. Ждём гостя. Настроение — огорчённое. Поднявшись затемно, битый час искал дома ценную для меня книжку — «Новый мир» шестьдесят второго года с первой повестью писателя. Тогда журнал выходил в знакомой всем голубой обложке, но — твёрдой. Никогда ни у кого не брал автографа, а тут — решился, а книжку не нашёл.

Прибыл классик, покладисто подписал все протянутые книги — подставляли по несколько экземпляров — на подарки знакомым, начальству и впрок. Теплоход отшвартовывается, берёт курс в сторону Китая. Наш гость с любопытством смотрит в иллюминатор. Включаю полупрофессиональную камеру, прижимаю к щеке. Засланные в группу церберы насторожились, но, разглядев дешёвую телекамеру и не обнаружив в моих руках микрофона, расслабились. Подхожу поближе к писателю и вполголоса с ним заговариваю. В камере встроенный микрофон. Классик отвечает на мои вопросы, произносит какие-то ностальгические фразы, расчувствовавшись, начинает говорить чуть громче, с волнительной скороговоркой и... Крепкие ребята жёстко берут меня под локти и отводят в сторону: «Вы грубо нарушили эксклюзивные права, в поездке по России никто не имеет право...», и так далее, с нешуточными угрозами. «Но мы же не в России, в нейтральных водах, вот уже и к Китаю подплыли», — я пытаюсь уберечь видеокамеру и неуклюже вывести ситуацию на юмор. А тут и сын писателя за меня вступился. У работника моей компании, переводчика-гэбэшника, он только что занял юани на покупку чая, при этом оба довольно долго и обстоятельно выясняли и подсчитывали на бумаге курсы обмена долларов и рублей на экзотическую валюту.

Потом была экскурсия по тогда ещё захолустному городку Поднебесной. У сопровождавшего русскоговорящего китайца спросил, знают ли, кто приехал. — «Какой-то ваш писатель, лауреат Нобелевской премии». Обедали в новом, но уже умызганном ресторанчике. Накрыли нам два круглых стола. За одним — почётные гости и сановитые чиновники во главе с тогдашним представителем правителя Руси. Тот, хоть и был косноязычен, пытался тамадить. Зачем-то похвастал, что все его боятся, что хватка у него бульдожья. Можно было и поверить. (Коренастый, широколицый, с оловянными глазами и узкой щелью рта в рядах загнутых внутрь зубов, свою должность представитель понимал в написании сигналов и наветов на всех, но, несмотря на эпистолярные заботы, по-моему, даже «Буратино» в детстве не читал.) За моим, вторым столом — чиновники и сопровождение второсортные. Выпивали, произносили какие-то дежурные, не очень уклюжие здравицы. Гость тоже принял несколько крошечных рюмочек шибко ароматной китайской водки, раскраснелся. Из застольных разговоров я понял, что все «наши», кроме моего переводчика, писателя не читали. Попросил дать слово, хотелось вырулить ситуацию. Точно не вспомню, что говорил, но заметил: гость оживился, на меня смотрел с интересом, улыбался, потом с учительской, как мне показалось, интонацией, спросил: «А что прочитали из мною написанного?» Я перечислил, оказалось, что прочёл практически всё,

что у нас выходило. Обед закончился, вышли на крыльцо под красные шары болтавшихся по ветру шелковых фонарей. Все присутствующие захотели пройтись по магазинам, кроме главного гостя: «Мне бы где-нибудь поработать. В тишине на свежем воздухе». Я предложил проехать к набережной Амура, взялся проводить. Соотечественники и гости, рвавшиеся на шопинг, препоручить писателя в мои руки согласились с радостным облегчением. Нас подвезли к летне-зелёному парку, я провёл гостя по лесенке на вершину рукотворной каменной горки, в уютную беседку из деревянных колонн с золотисто-красными драконами и парящей крышей пагоды. Писатель расстегнул кожаную «офицерскую» планшетку, достал карандаш. По глазам понял – утомился, хочет отдохнуть. Дабы не мешать, спустился в тихую аллею, охраняя покой гостя со стороны.

А ночью был спутниковый перегон отснятого материала в Москву. В далёкой аппаратной не поверили, что удалось записать интервью, долго переспрашивали: кто был корреспондентом, телеоператором, звукооператором съёмок, не могли понять, что сделал это один человек. Обещали прислать щедрый гонорар. Мои кадры поездки знаменитого писателя в Китай показали по всем федеральным телеканалам и даже в новостях мировых телевизионных компаний. Ни копейки гонорара я, естественно, не получил.

Такие вот картинки воспоминаний прозрачных призрачных дождей. Как увидел, так вам и рассказал.

МОЙ ДРУГ КОЛЯ

– Ну, живи долго и счастливо и умри в один день!

Такую здравицу выдаёт за столом старый друг в честь моего прихода в гости.

– Дурак! – отвечаю.

– Ну, извини.

Зачем я обиделся? По сути, ничего плохого он мне не пожелал. Жить надо долго и по возможности счастливо. А если умирать, то желательно без нудных мучений. Всё равно дурак и шутки у него...

Сколько знаю человека, а к его юмору привыкнуть не могу. У него нет Интернета, его голова не забита пулемётными лентами чужих шуток. Мобильного телефона тоже нет, и никогда не было. Но компьютер есть, – пылится на столе рядом с постоянно бубнящим телевизором. За этим столом, поставив на него принесённый мною «гостинец», мы и расположились.

Не виделись давно, и торопиться некуда, потому прошу друга открыть комп, чтобы неспешно почитать его рассказы. Небременительное чтение застолью не помешает.

Он хорошо пишет. Какие щемящие сердце очерки писал о судьбах, покорёженных войной и репрессиями... Когда-то мне казалось, что у него даже сочинённая за десять минут заметка для серой малотиражной газеты – образец изящной словесности и тонкой стилистики. Ему бы книги писать.

Но мой друг ленив. Пишет короткие рассказы только в канун очередного Нового года, когда газеты объявляют конкурсы на лучшую рождественскую историю. И всякий раз получает главные призы. Именно так за последние три года в доме появились телевизор, два ковра и набор слесарных инструментов.

В его ироничных и смешных рассказах один герой – Петрович, добродушный увалень, попадающий в совершенно невероятные житейские ситуации. «Петрович и ЦК КПСС», «Петрович и очки», «Петрович – фанат науки», «Петрович – воздушный заяц»... Два-три десятка этих новелл он вполне мог бы объединить в одну хорошую повесть. А мог бы написать роман-автобиографию из собственных весёлых приключений и грустных злоключений. Даже сочинять художественные небылицы не пришлось бы.

И пока он сам не написал о себе, сидя в гостях у друга, читая рассказы о неунывающем Петровиче, расскажу о нём я. Сейчас даже разрешение у него попрошу:

– А вот, ежели я про тебя когда-нибудь что-либо напишу, как тебя в рассказе называть – под псевдонимом или настоящей фамилией?

– Называй меня – Колей. Просто: мой друг Коля. Персонаж. Типичный представитель обманутого поколения.

Пусть будет так.

Выпускник отделения русского языка и литературы пединститута, поработавший сельским учителем, корреспондентом газет, инженером по пропаганде городского общепита, главным редактором телевидения, пресс-секретарём главы областной администрации (недолго, в те времена, когда не было мобильных телефонов) и ещё бог весть кем, всё и не упомяну, – вот уже третий день Коля трудится дворником. Несмотря на богатый послужной список своих «резюме», работу по мало-мальски творческой специальности найти не может. На службу принимают молодые работодатели, и берут они молодых.

На прежних работах он не раз имел проблемы из-за своей интеллигентской доверчивости и простодушного отношения к спиртному. Выпивал Коля, может, и не чаще и не больше многих, но нет у него инстинкта самосохранения. Подставляли и коллеги-собутельники, желавшие прогнуться перед начальством, чтобы ехидно самоутвердиться. Конечно, виноват сам.

Он всегда всё понимал и понимает. Но даже оценивая ещё не совершённые вопреки логике и здравому смыслу поступки и проступки, видя лежащие под ногами грабли, – наступал на них. Может, надеялся, что случится исключение, что пронесёт? И в очередной раз получал черенком по лбу, а вдогонку – оглоблей по спине. Странно всё это. Идеализм, чистой воды идеализм, не совместимый с нашим советским и постсоветским расчётливым и циничным материализмом.

При Горбачёве Коля стал первой на моей памяти жертвой перестройки. В самый бум антиалкогольной кампании, когда бдительные церберы вырезали из фильмов, объявленных в телеэфир, все «пьяные» сцены, он работал на телевидении. Почему-то именно Коле поручили подготовить репортаж с заседания аграрного партхозактива. В передовом районном центре области перед ударниками коммунистического труда, парторганами и руководителями сельхозпредприятий с призывами ускориться и перестроиться выступил второй секретарь обкома партии. После более чем эмоционального монолога с трибуны, сойдя в зал, он подошёл к присутствовавшим журналистам. Демократично дыша стойким перегаром, сокровенно признался: «Я, как только пить бросил, сразу перестроился. И вам, товарищи, советую». Для журналистов второй секретарь был почти своим, поскольку ещё недавно работал редактором районной газеты. В те времена на капустниках он потешно пародировал популярных тогда эстрадных персонажей – Авдотью Никитичну и Веронику Маврикиевну. Повязывал платочек, взбивал чёлку, высовывал язык, оттопыривал и поджимал губы.

Коля по-свойски, но очень вежливо попросил бывшего коллегу помощи в приобретении бутылки водки, крайне необходимой для протирки оптики телевизионной кинокамеры. Главный идеолог обкома партии понимающе кивнул, подозвал пальцем председателя местного райисполкома и потребовал оказать содействие ребятам с телевидения. По выписанной тут же записке Коля приобрёл в местном виноводочном (на полках которого ничего алкосодержащего не было) бутылку с зелёной этикеткой «Ликёр Лимонный». Использовать липкий напиток для протирки видоискателя и объектива по определению было невозможно.

В расчёте на трёх человек съёмочной группы (корреспондент, кинооператор и шофёр) вечернее застолье получилось довольно скромным. Но настроение было хорошее, прикрывшись тошненькой дверью гостиничного номера, телевизионные ребята весело выпили, громко поговорили, лениво поиграли в карты и тихо заснули. А уже утром следующего дня в обкоме партии лежал донос об аморальном поведении журналиста областного телевидения. И хотя, по мнению пострадавшего, выпивку санкционировало и благословило партийное руководство, – разбираться не стали. В «трудовую книжку» вписали: «уволен за поступок, не совместимый...»

После этой записки Коля не смог устроиться даже плотником в студенческое общежитие медучилища, о свободе нравов обитательниц которого ходили легенды. «Вы что?! – не очень трезвая дама с перепачканной помадой беломориной, комендант «весёлой» общаги, чуть не поперхнулась праведным гневом. – У вас аморалка?! А у нас советское социалистическое общежитие! Мы не допустим!»

Зато взяли искусствоведом в областные художественные мастерские. Ни рисовать, ни лепить из глины Коля не умел, но свой вклад в развитие местного искусства внёс.

В первый же рабочий день худсовет мастерских принимал работу старенького и уважаемого скульптора, изображавшую в гипсе партизана времён Гражданской войны. Монумент предназначался для небольшого села, потому не отличался циклопическими размерами. Комиссия одобрительно кивала, рассматривая выкрашенного серебрянкой партизана, и только Коля вдруг задумчиво произнёс: «Вам не кажется, коллеги, что правая рука воина, держащая саблю, вдвое длиннее левой руки? При росте

героя в метр пятьдесят сантиметров это немного заметно...» Руку после консилиума вполнину отпилили, саблю вклепили в культю.

Мастера изобразительной культуры научили Колю на отжимных валиках стиральной машинки печатать талончики на водку. (На закате развитого социализма и мыло, сигареты, сахар, колбасу, крупу, макароны продавали по талонам.) При попытках купить пшеничный напиток на личноизданные купоны Коля имел неприятности.

В искусствоведах продержался недолго. Поведение его посчитали слишком раскрепощённым даже среди свободных (в основном в желании выпить с утра) художников. При встрече со мной, по привычке заняв на пиво, Коля заявил, что встал на путь окончательного исправления, не пьёт и хотел бы, как многие истинные интеллигенты, пойти в дворники. Мечтает подметать площадь у памятника Ленину напротив обкома, а туда берут только партийных и морально устойчивых.

Мечты сбываются – дворником всё-таки стал. Третий день как. Сейчас признался, что пока стесняется – люди узнают. Зато некоторым прохожим вежливые замечания делал. Не по поводу брошенных окурков, а чтобы матом не ругались, ведь женщины и дети могут услышать...

Что-то не о том я рассказываю, не о самом главном. Может, вспомнить, как в девяностые Коля вёл телевизионные передачи прямого эфира? Входил в студию, садился к роялю, начинал играть и пел песни собственного сочинения, потом здоровался, рассказывал о каких-то новостях, разговаривал с приглашёнными собеседниками и вновь садился к роялю. Есть люди, которые до сих пор помнят интеллигентные и по-хорошему провинциальные Колины передачи. Это они через двадцать лет узнают его на улице с метлою в руках.

Свой рассказ и параллельное прочтение Колиных новелл вынужден временно прервать.

...В комнату входит вернувшаяся из похода по магазинам Колина мама:

– Здравствуй, Александр. – Это ко мне. – Ох-ох, Николай, почему даже яичницу для гостя не поджарил? Видите?! – Это снова ко мне. – Никакой нет у человека самостоятельности. Ох-ох!

Колиной маме за восемьдесят, но года не берут, та же стать, голос и интонации строгой учительницы. Какое-то дежавю. Мой товарищ даже рванулся было спрятать от материнских глаз стоящий на столе «гостинец», но понял, что поздно. Как будто мы не в две тысячи одиннадцатом, а в студенческом тысяча девятьсот семьдесят четвёртом. В том году мы познакомились и подружались.

...Мы попали в одну палатку. Тогда все студенты были обязаны месяц-полтора отработать на колхозных полях, копать грязную картошку с морковкой, рубить гнилую капусту либо неделями мокнуть под стылыми осенними дождями, надеясь, что корнеплоды и овощи без посторонней шефской помощи благополучно раскиснут и ничего убирать не придётся. В нашей палатке поселилась весёлая сборная из десяти студентов второго и третьего курсов истфила. Я придумал текст гимна неунывающей команды, а Коля, мой новый знакомый, подобрал под него гитарные аккорды. По утрам все обитатели палатки строились перед флагштоком на подъём собственного полотнища – на белой наволочке каждый либо расписался, либо оставил след вымазанной краской пятерни или ступни. По вечерам мы торжественно спускали флаг, жгли костры, пели гитарные песни, а иногда – пили вино. У нас была взрослая и почти самостоятельная жизнь.

Как тут не подружиться? Тем более что Коля был в ту пору знаменитым. Его и ещё двоих студентов-литераторов несколько месяцев полоскали на всех институтских собраниях. Ортодоксы от комсомола требовали исключить «отщепенцев и злопыхателей» из института, либералы от профсоюзов предлагали этих же, «заблудившихся, но социально не опасных» студентов – отличников учёбы, взять на поруки. Всё потому, что троица умников сочинила литературный журнал, издав его рукописно в одном экземпляре. Кроме безобидных студенческих «проб пера» в журнале был иронический «Манифест квакулистов», нового литературного течения, призванного своим «кваканьем» разбудить некое болото, и колонка юмора, в ней Коля смешно описал студенческую первомайскую демонстрацию в виде крестного хода семинаристов. Журнал не был подпольным, его даже отнесли для ознакомления в факультетский комитет комсомола. Тут-то всё и началось. Все истфиловские комсомольские активисты мужского пола мечтали после окончания института попасть на службу в КГБ. Потому журнал они тут же передали в руки гэбэшного куратора – старшего лейтенанта. А тот, желая стать капитаном, страстно жаждал найти среди нас пособников иностранных шпионов и настоящих советских диссидентов. Представился карьерный шанс и комсомольцам, и чекисту. Советский Союз вполне прожил бы без многих диссидентов – узников совести, если бы не карьеристы

из госбезопасности, – сколько безумной фантазии и злого коварства проявили они ради звёздочек на погонах. Но из Коли и его товарищей врагов народа почему-то не сделали, – как сейчас понимаю, вмешался кто-то из «взрослых», – угрожающе-назидательная и дидактично-душеспасительная буря неожиданно прекратилась, как-то по-тихому ребятам просто объявили выговоры. И хорошо: один из бывших «подельников» через несколько лет стал сначала директором школы, а потом – сыщиком, полковником, легендой уголовного розыска, второй – питерским журналистом.

Мы оба оказались книгоочемьями. Неплохо ориентируясь в известных поэтах, чуть менее в прозаиках, из разговоров с Колей я понял, что прочёл не так уж много, даже мало. Сделал наивное открытие: литература безмерна, как Мировой океан. Впоследствии многих авторов я осваивал по Колиной рекомендации. Не нужно было объяснять и разжёвывать достоинства произведений: если друг говорил, что книжка интересная, я знал – определённо понравится и мне. Авторы были самые разные, в том числе не признанный в ту пору классиком Андрей Платонов. «Его не печатали, дворником работал», – сообщил Коля. Потом и я подсказывал другу, что можно читать, получая удовольствие от хорошей книги. Литературных дискуссий не устраивали. Бывало, собравшись, могли просто задумчиво помолчать. У меня в жизни больше не было друзей, с кем можно было вот так без напряжений посидеть молча.

Конечно, как тогда было принято, мы бражничали – сначала скрытно от своих мам, поженившись, – с оглядкой на жён. Увлечение Бахусом не было безмерным. Одно лето пили вино «по-гречески»: разводили арабское красное, с пирамидами и сфинксом на этикетке, водой из-под крана. Выбор этого сухого вина объяснялся вовсе не гурманством, а отсутствием иного напитка. Как-то, идя навстречу пожеланиям любящих женщин («У вас одно на уме!»), мы стали покупать для посиделок только сладкие газировки – «Буратино» и «Тархун».

Женат он был трижды, его семейные истории как-то не сложились...

...Извините, вновь прерву рассказ, поскольку Коля делится со мной маленькими радостями и нешуточными перспективами своей новой профессии:

– Дворником работать хорошо. Доходная профессия. Я в первый же день пятьдесят рублей нашёл. А коллега с соседнего участка то мобильник найдёт, то золотое колечко, то очки. Опять-таки свежий воздух. Вот если бы и в феврале снега не было. Какой январь был хороший, ни разу снег не выпал! Жаль, я дворником в январе не был. А что? Подружусь с завхозом Клавой, она выделит три участка, где убирать поменьше. Клава с первого дня глазки строит.

– Симпатичная?

– Да ничего так. С лица воду не пить. Немножко очень толстая. И что? Выбора нет, не на ярмарке. Ты читай, читай.

Протираю очки. На чём я остановился?

...Не раз был свидетелем, как в Колю влюблялись женщины. Возможно, и не так много их было – он никогда не был завзятым ловеласом и хитрым сердцеедом. Но разновозрастные барышни и дамы доверчиво влюблялись. Может, женщины таяли, когда жёлтыми прокуренными пальцами Коля бренчал по растрёпанным струнам фанерной гитары и чуть картавым голосом пел свои и чужие песни? Глупости. Может, проникались умными разговорами об интересных книгах? Это увлекательно, но не на каждый день. Но мне почему-то казалось, что не друзьям и приятелям, а именно женщинам становилась понятной и по-настоящему открывалась Колина душа. Или они из какого-то упрямства просто пытались эту душу понять? Смотрел и удивлялся. Даже сочувствовал умным-неразумным женщинам. Видел не раз: когда очередная «половинка» уже совсем по-матерински почти прирученного и домашнего Колю пыталась потуже спеленать, – случался разрыв. Бросив всё, Коля исчезал.

...Нет, он определённо слышит, о чём я вам, мой читатель, рассказываю. Потому что вдруг вспоминает одну из своих избранниц. Эту женщину мы с женой познакомили с Колей из искренних и благих намерений: организовали встречу двух хороших, но одиноких людей. Коля говорит задумчиво, как будто и не мне, а себе самому:

– Умная. Заботливая. Утром брюки поглажены, на стуле висят. Завтрак приготовлен. Четыре с половиной года прожили. Когда уходил – не отпускала меня. За пальцы держала. Видишь, два пальца криво срослись. Вместо обручального кольца такая память.

– А зачем уходил?

– Хотелось выпить сто граммов. Не отпускала. Такие вот нешекспировские страсти. В данном случае «нешекспировские» – пишется слитно.

– Хорошо, Коля, напишу слитно. А она о тебе до сих пор вспоминает.

– Жалко...

– Дурак ты!

Замечаю, как у Коли чуть вытянулась и даже вывернулась нижняя губа. Такое у него всегда бывает, когда выпьет. А может, от обиды?

Коля поднимается и выходит из прокуренной комнаты на кухню. В открытую дверь бесшумно является его отец. Ему девяносто девять, фигурой и обликом, как и сын, только ещё более сутулый и худой. Чистая, застёгнутая на все пуговицы рубаха с длинными рукавами, аккуратные брюки с кожаным ремнём – выправка военная, почти парадная, если бы не домашние тапочки.

Я встаю. Старик протягивает для рукопожатия плоскую прозрачную ладонь, внимательно, как показалось – насмешливо, смотрит мне в глаза, говорит спокойно:

– Что есть жизнь? И что человек в ней? Кто кем управляет? Жизнь человеком или человек жизнью?

От неожиданности я согласно киваю головой. Но с чем я согласился? Разве я знаю ответы?

Старик неотрывно смотрит в мои глаза, и уже не усмешку я вижу, а понимающую улыбку:

– Старый друг – лучше новых двух...

В этих тихо сказанных словах мне послышалось не утверждение, а вопрос.

– Да, – так же тихо отвечаю я, – Коля друг. Лучший...

В комнату возвращается Коля, берёт отца за плечи: «Папа, пойдём, здесь накурено», – уводит.

Старый друг...

А ещё в нашей дружбе были:

Светлые баллады Булата Окуджавы и Александра Дольского, которые мы пели под гитару.

Рыбалка в холодную ночь на берегу реки, когда по «Маяку» мы слышали: «Сегодня в Москве умер Владимир Высоцкий».

Совместный поход на просмотр «Покаяния» какого-то Тенгиза Абуладзе, когда половина зрителей покинула кинозал не досмотрев. Мы тихо, пряча глаза, вышли после сеанса с оставшимися. Почему, разве то покаяние нашего поколения?

Было многое и ещё что-то самое главное, то, чего никак не могу вспомнить.

А если и не было самого главного? Если всё дело в простой наивной иронии, в схожем мировосприятии? А ирония – есть смесь природного чувства юмора и собственных умственных сомнений. Сам не понял, что сказал. Сейчас уточню для уверенности:

– Коля, словарь Ожегова у тебя найдётся?

– Зачем? – Нижняя губа моего друга ещё более вытягивается. – Я без Ожегова на всё отвечу.

– Не сомневаюсь. Но хочу словарь проверить.

Затрёпанная толстая книга под рукой. Не торопясь листаю: жэ, зэ, и... интеллигенция... инфантилизм... Нашёл! «Ирония – тонкая скрытая насмешка». Надеюсь, вы убедились, что я прав? (Пример самоиронии.)

Слышу, слышу, мой умный читатель, как вы вежливо покашливаете. Считаете, что персонажу, образу друга, недостаёт выразительности и цельности. Какой-то изюминки не хватает, чтобы всё заиграло и сцепилось. Согласен. Не получается у меня типичный представитель поколения. Хорошо, мой добрый читатель, не нервничайте, высказывайтесь.

– Спасибо. Я-то спокоен. Вижу, рассказа у вас осталось на полстранички. А в тексте нет, не пропускает сильной мысли о смысле бытия, о месте и роли таких людей и этого конкретного. Или о том, что их породило. Отдельные сцены, детали, высказывания – любопытны. Но этого мало.

– Это оттого, что и себе такие вопросы боюсь задавать. Не знаю, как на них ответить. Должно, пока и сам не понял я загадочного смысла бытия.

...Мы сидим в квартире Колиных родителей за столом в узкой «детской» комнате. Старое пианино, древний платяной шкаф и потёртый диван – всё это ещё из юности.

Заканчиваю читать Колины рассказы, комментирую вслух их стилистику, на что мой друг отшучивается. Разговаривая со мной, он успевает слушать новости из бубнящего телевизора. Бу-бу. Опять упал наш ракетоноситель. Бу-бу-бу. Через полгода в очередной раз повысят... Бу-бу-бу, бу-бу-бу.

Сменяя друг друга, мелькают представители тандема. Первый по-сыновьи пугает генералов, второй по-отечески радует пенсионеров.

Коля вздыхает:

– Ну вот, опять мы впереди планеты, позади прогресса.

– Колька, – смеюсь я, – пиши рассказы, гад!

– И напишу. К Новому году.

За окном начало февраля. До Нового года всего-то одиннадцать месяцев...

И вдруг пыльный угрюмый город запырило снегом, люди облегчённо вдохнули морозный воздух, им показалось, что жизнь стала налаживаться, можно с чистого листа начать её заново, всё плохое и некрасивое ушло навсегда, накрылось белой пеленою, сердца исполнились ожиданием праздника и счастья. Все стали детьми. Даже старики.

Было холодно, но бродячие собаки хвосты не поджимали, бегали по мягкому опрятному ново-снежью и оставляли дорожки босых лап.

Благовещенск. Февраль, 2011 г.

СИНЯЯ ПТИЦА

Смотреть в окно интересно. Особенно зимою. Прижмёшь губы к заиндевелому в сказочных пальмах стеклу, продуешь тёпленьким лунку, потом пальцем прогреешь-расширишь. Вот и прозрачное окошечко, а за ним наша черёмуха, а на ней наша кормушка для птиц.

Так давно, а как вчера. Телевизор не в каждом доме, и только вечером показывал художественные фильмы и строгих дикторов. Днём дети смотрели в окна. Сколько было птиц! В наш тихий двор они прилетали из самых дальних лесов. Летом многих никогда не видел. Порывистые юркие синички разных окрасок и размеров: белощёкие желтобокие – большие (имя такое), серенькие пухленькие – гачки, синенькие – лазоревки, беленькие крохотные ангелочки – длиннохвостые. Поползни шумливые, ловкие как обезьянки, сновали туда-сюда по стволу, больше всего им нравилось висеть и бегать вниз головой. Пунцовые снегири, подобные новогодним ёлочным шарам, рассаживались степенно поверху, являлись к нам покрасоваться, даже не из любопытства, суета воробушков и синичек на кормушке их не интересовала.

А ещё прилетала голубая сорока. Удивительно красивая птица! Головка в блестящей чёрной шапочке, оперение дымчатое розоватое, а длинные перья хвоста и крыльев яркие голубые – на солнце сверкают... И кажется мне сегодня, это Синяя Птица Счастья, неуловимая, из сказки Метерлинка.

Она настоящая. Она за Байкалом, в моём Приамурье.

КРАСНЫЕ ЯГОДКИ

Иннокентию Герасимову

Помнишь, когда ты был маленьким, ещё не разговаривал, но уже научился ходить, летом в выходные на большой белой машине мы часто ездили за город, где у тихой речки Безымянки прижимался к сопке деревянный дом, двухэтажный, с балконами. Рядом с домом мы стелили оранжевую циновку, ставили корзину с едой и питьём, разбрасывали привезённые игрушки. Я надувал голубой клеёчатый бассейн и длинным шлангом наливал в него холодную воду из гудящей мотором скважины. Пока вода согревалась, мы играли на циновке, гуляли по двору. Там росли ярко-жёлтые одуванчики, они стояли на длинных ножках-трубочках и поворачивали головки к солнцу. Отцветая, одуванчики не вянули, сникая, сжимались в бутоны, а потом случалось чудо: они вновь распускались, превращаясь в пушистые белоснежные шарики. Мы их осторожно срывали, на изломе трубочек выступал млечный сок. Мы дули на круглые шапочки одуванчиков и наблюдали, как круговерть белых с маленькими семенами парашютиков поднимается в воздух. Когда пушинки попадали мне в лицо, ты громко смеялся, потому что я морщился и тёр нос.

Однажды я взял тебя на руки, и мы стали подниматься на сопку. Я с опаской ступал по промытым дождями узластым корням, ты сидел высоко-высоко на шее, в восторге и страхе цепко держался за мой лоб, давил пальчиками на глаза.

И вот мы в солнечном лесу. Млеют золотые сосны, и весь лес замер в янтарных бликах. Перед нами тропинка, мягкая и тихая. По ней можно идти босиком. Даже твоими маленькими ножками. Сквозь тёплый ковёр опавшей хвои выглядывают осторожные тёмные маслята, и нежные сыроежки – жёлтые, розовые, фиолетовые – рассыпались повсюду. Звенит из приникшей травы стрёкот кузнечиков, при нашем приближении они таятся, умолкают, потом веером выпрыгивают из-под самых ног, с треском расправляют дрожащие с алым огненным подбоем крылья и летят далеко-далеко, дугою. Сначала ты пугаешься, потом смеёшься, пытаешься кузнечиков поймать, да разве за ними утонишься... Вот ты заметил огромного чёрного муравья, с изумлением смотришь на его невозмутимый бег, поднимаешь с земли щепочку, преграждаешь ею дорогу. Муравей, вмиг проскочив препятствие, взбирается на маленькую ручку и кусает тебя за пальчик, согнувшись в злой жёсткий комок. Здесь уже пугаюь я. Слава богу, что мама и бабушка не видели! Страхнув обидчика, мы продолжаем поход. Ты не плачешь, и мне кажется, что ты почувствовал в случившейся драме мою вину. Твои большие глаза потемнели, розовые, прозрачные на солнце ушки стали пунцовыми. Но горе твоё пока недолгое.

Как хорошо нам идти по сказочной жёлтой тропинке! Крошечная ладошка маленького человека в ладони большого и сильного. Мир для тебя наполнен новыми звуками, яркими красками, неизвестными запахами. К благоуханиям нагретой смолы и хвои, медовых цветов, к влажному запаху грибов тихими волнами приплывает аромат лесной земляники, но ягод не видеть, – прячутся где-то.

– А пойдём искать сладкие ягодки, – предлагаю я.

Ты удивлённо смотришь мне в глаза. Ты всё понимаешь и ответить можешь взглядом.

Мы выходим к солнечной полянке и идём на земляничный дух. Приседаем на корточки, раздвигаем покрытые мелким лёгким пушком тёмно-зелёные листья, изнанка их серебристо-сизая, а под ними на тонких плодоножках клонятся к земле красные с золотыми крапинками ягодки. Их было немного, но как они пахли! Серединки сорванных ягод нежные, розовато-белые. Встречались и ягодки бледные, твёрдые, ещё неспелые, такие мы не рвали. А были и тёмные, мягкие, уже перезревшие, от них твои пальчики, губы, щёки и кончик носа стали вишнёвыми. Ох, и наругают же нас домашние за поедание невымытой ягоды, да разве удержишься тут.

Попировав, мы возвращаемся. Нас уже потеряли. В маленьком кулачке ты держишь три ягодки, ты нёс их очень бережно. Раскрыл ладошку, угощаешь маму и бабушку, и почему-то меня, – ягодки помялись и протекли рубиновым соком. Твоя мама, моя дочь, смотрит на меня укоризненно и сердито, а бабушка, моя жена, вовсе не ругается, – добрый мальчик, – говорит улыбаясь, а в глазах её слёзы.

А потом ты весело плескался в нагревшемся на солнце надувном бассейне.

Ты вырастешь большим, умным, сильным и добрым и когда-нибудь это вспомнишь. Хочу, чтобы вспомнил. Тёплый маленький бассейн, красные ягодки, белоснежные шапочки отцветших одуванчиков: ты смеялся и дул мне в лицо их лёгкие парашютики, – когда сейчас вспоминаю я, то морщусь от щекотки нос, – правда.

АХ-АХ О ГРИБАХ...

Ольге Губаревой

Солёные грузди

О чудесных хрустящих груздочках расскажу. Как в детстве у отца увидел, так и солю, только не в бочке, не те масштабы.

Убеждён, заготовка груздей – занятие сугубо мужское.

Грузди ещё надо суметь найти, всегда прячутся под слоём опавшей листвы. Я их присутствие по запаху чую. А как увижу взрыхлённые бугорочки и срежу первый груздок, всё по кругу прочешу, – по одному не растут. И бежать дальше не тороплюсь, в том же ярусе леса обязательно найдутся и другие семейки. Хорошо искать грузди на взгорочках и по сопкам: идёшь снизу-вверх зигзагами и видишь, как выглядывают, подсматривают за тобой.

Я беру сырой груздь. Шляпки у него с ямочками в центре, а краешки с мохнатой бахромой, у молодых плотно загнуты к ножке. Молоденькие тугие, сизовато-беленькие, а подросшие – в лёгких рябушках-рыжинках. По срезанной ножке, с выступившим млечным соком, видна свежесть гриба, шибко проточенные червячками брать не стоит.

Принесённые из лесу надо очистить от прилипших листочков и хвоинок. Большие шляпы разрезать на половинки и четвертушки. Промыть проточной водой.

Потом вымачивание. Сок грибов горький. В Германии и большинстве европейских стран грузди считают несъедобными и ядовитыми. Не отсюда ли пословица: что русскому хорошо, то немцу – смерть? Много они понимают, ха-ха, попробовали бы русские грузди под свой шнапс. Нет, – под нашу!

Для вымачивания укладываем грузди вниз шляпками, заливаем чистой водой, сверху плоскую тарелку с гнётом. Часов через шесть вода помутнеет, меняем на свежую, и потом вновь. Продолжается это два-три дня. Как-то видел у таёжного пасечника: сетки с груздями, прикрытые ветками маньчжурского дуба, полоскались в чистейших струях холодного родника, – идеальный вариант!

Приступаем к засолке. Достаём грибы по одному, осматриваем, соскабливаем не понравившиеся пятнышки. Выкладываем слоем в посудину. Посыпаем крупной солью. Поверх выстилаем листья чёрной смородины, молодые дубовые, лопухи хрена, спелые зонтики укропа, зубчики чеснока. Вновь слой грибов, на него те же ароматные приправы... загружаем ёмкость доверху. Не бойтесь придавливать, грузди после вымачивания становятся эластичными, не раскрошатся. Сверху два-три слоя листьев хрена, смородины и гнёт потяжелее. Если грибов маловато, можно подложить вымоченных из следующего сбора. Грузди солятся долго – сорок дней.

Первые дни идёт брожение, – желательно деревянной шпажкой по краешкам давать выйти пузырькам газа. Когда процесс успокоится, грибы можно переложить в банки, поплотнее, чтобы не было воздушных пустот, иначе окислятся и почернеют. Все слои груздей перестелить теми же приправами, под укупорную крышку – побольше, чтобы грибы не высовывались.

Пишем на банке дату засолки, ставим в холодильник и набираемся терпения. Напоминаю: сорок дней!

А уж как откроете готовые...

Эдак вечером, к пылающему закату, к нежным ветеркам прохлады, когда стрижи всё ещё высоко пронзительно звенят, а уже и первые комарики попискивают... выйти в сад, расстелить льняную скатерть, поставить пузатенький отпотелый графинчик с осадистой рюмочкой-лафитником... и – заглавное, чтобы стояла миска с холодными, в сметане, под вилкой увёртливыми груздочками...

Друзья уверяют, что закусывать можно и моими рассказами о грибах.

Какие грибы лучшие?

В наших лесах – белые. Всегда к ним с трепетом отношусь, а собрав, не спешу отправить на сковородку, жалко, – лучше высушить впрок. Как чудесны грибные супчики зимою! Размочив, сушёные белые можно и пожарить. Но супы таки лучше: горсточка грибов, а аромат на весь дом, даже соседи по лестничной площадке завидуют. Рецептов супов из белых не счесть, потому что всегда импровизирую, даже в борщ их кладу.

А вот что заметил, лесные белки белым и другим грибам предпочитают маслята. Возможно, оттого, что эти грибы растут в сосняках, где часто и обитают белки. Основная их еда – семена сосновых шишек. Небось, видели под кронами сосен шишки, ободранные до кочерыжек. Это белочки потрудились, откушали маслянистых зёрнышек, но большей частью где-то припрятали. Должно, вкусные. А вы знаете, что сибирские и дальневосточные кедровые орешки – не совсем кедровые? У нас растёт кедровая сосна, а кедр – в субтропиках, да в краях, где зим не бывает. Но это я отвлёкся. Об орехах как-нибудь в другой раз. Про маслята речь завёл. Не раз видел эти грибочки наколотыми на веточки, встречал и на пеньках разложенные. Это всё белочки. Высушивают про запас, почти как я, чтобы зимою насладиться. Что-то в закрома потом снесут, а могут и на сучках оставить. Выскочит белка в морозный день из гнёздышка-дупла, снимет сушёный маслёнок, в лапках-ручках зажмёт и грызёт, жмурясь от удовольствия. Так что маслята – грибы не второсортные, белка толк знает.

Как-то собираю маслята в сосновом лесочке, ползаю на коленях по опавшей хвое и вдруг по голове меня что-то тукнуло, глянул – крепенький такой маслёнок. Глаза поднимаю: белогрудая белка надо

мною, смотрит обиженно – её добыча у меня в руках оказалась. Осторожно, чтобы не спугнуть, низал грибок на сухую ветку повыше. А потом шёл и лыбился, как дуралей, и маслята из лукошка по сучкам развешивал. Если хотите видеть белок в лесах, не жадничайте, делитесь с ними. Так можно и городских белочек подкармливать, когда грибы из лесу привезёте.

А ещё заметил – белки любят подберёзовики. Я их тоже люблю – поджаренными до румяности. О солёных уже рассказал, сейчас – о жареных грибочках. Ну, держитесь!

Грибы жарим!

Огорчаюсь, когда кто-то неправильно жарит грибы, и получаются они варёными, расплзающимися. Послушайте бывалого грибника.

Свежие грибы нельзя мыть и замачивать. Конечно, есть виды, которые из-за горечи и непривлекательного запаха советуют предварительно отваривать, но не о них речь. Благородные лесные грибы – белые, боровички, лисички, подосиновики, подберёзовики и шампиньоны (в том числе из магазина) – промывать нельзя! Иначе наполнятся излишней влагой и поплывут на сковороде. От соринки грибы достаточно очистить острым ножом.

Потом режем на ломти одной толщины. Размерами грибы разные, а так они и приготовятся одновременно и, поверьте, реально станут вкуснее.

По поводу репчатого лука в грибах даже не спорьте. Тонкую грибную ароматность жареный лук не перебьёт, сделает изысканнее – оттенит своею сладковатостью. Первым делом на среднем огне поджариваем колечки лука до красивой золотистости.

Потом сковороду с карамельным луком раскаляем на высоком огне и, секунды не медля, выкладываем грибы. Чуть прихватились – лопаточкой нежно-ласково переворачиваем на другой бочок, потом снова... ломтики должны со всех сторон зарумяниться соблазнительной корочкой, она сохранит грибные соки. Сами наши грибочки станут поджаристыми, уменьшатся размерами раза в три. Это уже момент готовности.

Солим только сейчас, раньше нельзя – вытечет сок. Снимаем сковороду с огня.

От сумасшедшего запаха голова кружится. А мы ещё посыпаем грибочки свежим душистым укропчиком-м-м-м...

Всё! Пробуйте.

А я что говорил?!

Хотите в сметане? Легко! На горячую сковороду – в уже поджаренные грибы – положите две ложки жирной сметаны, доведите до кипения, грибы пропитаются нежной сливочной кислинкой. Но в сметане лучше не жарить, а запекать в духовке.

Ну а к вкуснейшим жареным грибам гарнира лучше молодой отварной картошки человечество пока ничего не придумало. Однокалиберную некрупную картошечку отварите, слейте воду, дайте минуту подсохнуть, чтобы беленьким забархатилась, потом на неё сметану – щедро так, а поверху опять-таки укропом рубленным и ещё веточками для украшения...

О головокружительных ароматах, превосходностях вкусовых ноток и оттенков наших грибов надо писать не кулинарные книги, а художественные рассказы, доверяя это только самым виртуозным мастерам слова. Попытался как смог. А что оранжевые лисички пахнут абрикосами, не успел рассказать... и как янтарные рыжики наивкуснейшими хрусткими-жареными засолить... На потом оставлю, даст бог – встретимся ещё. Да, не вздумайте рыжики вымачивать!

